

Под большим чугунным котлом (воком) бушевало пламя. Блюдо, подбрасываемое в воздух, насыщалось "дыханием очага" (Прим.: «вок хей» — специфический аромат, получаемый при быстрой обжарке на сильном огне). Специи и приправы добавлялись в строгой очередности, аромат волнами распространялся вокруг.

У Чжун Няня загорелись глаза, и он принялся усердно хлопать в ладоши, когда мужчина подбрасывал вок:

— Как круто!!

Мужчина высоко задрал подбородок:

— Да так, ничего особенного.

С этими словами он еще пару раз картинно подбросил вок.

— Суп будешь? Могу и супчик сварганить.

— Давай, давай! — Чжун Нянь поспешно закивал.

Позже мужчина отвел его в укромный уголок на корме яхты, где Чжун Нянь смог отведать обильный и вкусный обед: пять блюд, суп, закуску и даже небольшой десерт.

— Я, наверное, не доем, — пробормотал он с набитым ртом.

— Ничего, не пропадет. — Мужчина держал в пальцах дешевую сигарету, облокотившись о поручни, и просто смотрел, как Чжун Нянь ложку за ложкой отправляет еду в рот, надувая щеки, словно хомяк.

Он неторопливо затянулся едким дымом, прищурившись, с выражением, похожим на удовольствие.

Раньше он и не знал, что повар, глядя на то, как человек с таким аппетитом уплетает егостряпню, может испытывать такое чувство удовлетворения.

И еще — желание готовить этому человеку всю жизнь.

Заметив, что Чжун Нянь вытер рот и сыто рыгнул, он подошел, забрал тарелку как нечто само собой разумеющееся и, взяв использованную ложку, в три глотка доел остатки.

Чжун Нянь на мгновение опешил, потом рассмеялся.

— А ты довольно хороший человек.

И еду приготовил, и объедки доел. Только язык у него немного злой, но это мелочи.

Мужчина приподнял бровь, не отрицая.

— Как тебя зовут? А меня Чжун Нянь. — Юноша сам начал разговор.

— Чжань Лу.

— Чжань Лу, хочу у тебя кое-что поспрашивать. — Чжун Нянь придвинулся поближе.

Мужчина, выскребавший ложкой последние зернышки риса из тарелки, замер. Почуввав неизвестный аромат, исходивший от юноши, он помрачнел взглядом.

Рука с ложкой невольно напряглась, вздулись вены, и металлический черенок ложки слегка погнулся.

— Что? — Он не расслышал слов юноши, спросил низким, хриплым голосом.

Чжун Нянь терпеливо повторил:

— Ты знаешь Шэн Чу?

В один миг лицо Чжань Лу окаменело, он прищурился и пристально посмотрел на юношу:

— Зачем ты спрашиваешь?

Чжун Нянь подпер щеки ладонями:

— Я с ними столкнулся. Еще там был какой-то господин Цянь. А потом услышал, как упоминали кого-то по фамилии Цзун, кажется, очень важного.

— Ты с ними столкнулся? — Выражение лица Чжань Лу внезапно стало предельно серьезным, он схватил Чжун Няня за плечи. — Что-то случилось?

Такая несдержанная реакция заставила Чжун Няня остановиться. Он моргнул и беззаботно ответил:

— Да ничего. Просто любопытно. Выглядят они внушительно и богато.

У Чжань Лу дернулась бровь:

— Не суй нос куда не надо. Связываться с ними — плохо кончится. Особенно таким, как ты... Лучше вообще им на глаза не попадайся.

Видя, что тот, похоже, что-то знает, Чжун Нянь оживился:

— А что? Они плохие люди?

Чжань Лу холодно усмехнулся:

— На этом корабле хороших людей мало. А среди богатых — и подавно.

Внешность Чжань Лу была скорее диковатой, и когда он кривил губы в усмешке без тени улыбки в глазах, это выглядело пугающе. В его взгляде будто вспыхивали искры.

Чжун Нянь замолчал, нахмурившись и изучая Чжань Лу.

Наконец он пришел к выводу:

— Чжань Лу, ты, похоже, богатых недолюбливаешь (Прим.: дословно «ненавидишь богатство»).

У Чжань Лу дернулся глаз:

— ...Нет.

— Но вид у тебя такой, будто ты их люто ненавидишь. — Чжун Нянь похлопал его по плечу, не давая возразить. — Эх, да ладно, я понимаю. Можешь не объяснять.

Чжань Лу: "...Думай как хочешь. Но не относись к моим словам легкомысленно. С виду они холеные, а за закрытыми дверями творят такое... мерзость и грязь."

Чжун Нянь кивнул:

— Ага-ага, понял. Пошли работать.

Хотя от Чжань Лу он ничего и не добился, вернувшись на свое место, он расспросил еще

нескольких человек и легко получил нужные сведения.

Самую большую помощь оказал Цзевэнь, который не раз ходил в плавание.

Вкратце дело обстояло так: главным владельцем яхты была семья Цзун, а также еще несколько семей, вложивших средства, включая семьи Шэн и Цянь.

Но партнерство не означало равенства. Среди богатых классовость была очень четкой. По сравнению с простыми людьми семья Цянь была несметно богата и недосыгаема, но в мире сильных мира сего есть всегда кто-то выше. Семья Цянь и в подметки не годилась семье Шэн, а власть семьи Цзун и вовсе была всеобъемлющей и подавляющей.

Чем ближе был класс, тем теснее были связи, они естественным образом сбивались в круги по интересам, для взаимной выгоды и переплетения интересов.

— Господин Цянь известен своей всеядностью (в плане партнеров) и жестокостью в играх... — Цзевэнь не хотел пачкать уши юноши подробностями, нахмурившись, он замолчал. — Короче, он самый подлый и развратный. Если он тебя увидит, то пойдет на все, чтобы заполучить. Обязательно прячься подальше!

Чжун Нянь не стал говорить, что уже вляпался, и спросил дальше:

— А что насчет остальных?

— Наследник семьи Шэн... хоть у него и хорошая репутация, и он не участвует в их грязных играх, тоже не прост. Его положение в их кругу особенное. Он единственный сын в семье, наследник по праву рождения, и способности у него выдающиеся.

Почти все юные господа и барышни на этом корабле — бездельники. Редко кто вроде Шэн Чу, кто в молодые годы уже получил немалую долю власти в семье. Поэтому даже старший сын семьи Цзун на корабле вынужден считаться с ним.

Еще есть семья Гуань, по статусу ниже Цзун и Шэн, одна из "трех голов змеи". Но тот представитель семьи Гуань, что на корабле, ничем не примечателен. Ведет себя тихо, хотя и тусуется со всеми, но не любит высываться и редко выходит из каюты. Я его на корабле ни разу в лицо не видел.

Цзевэнь рассказывал все без утайки. Увидев, что Чжун Нянь слушает и прилежно записывает в блокнот, он с любопытством спросил:

— А зачем тебе все это?

— На всякий случай. — Чжун Нянь ответил уклончиво и, потянув Цзэвэня за рукав, снова спросил: — Цзэвэнь, ты так много знаешь, старый сотрудник. Ты, наверное, и капитана знаешь? Я хочу у него кое-что спросить.

У Цзэвэня от этого заискивающего жеста и тона уши покраснели, и он снова стал похож на раскаленный уголь:

— Да куда мне, разве я могу знать капитана? Самое большее — с боцманом парой слов перекинуться.

Чжун Нянь: — А ты знаешь, что капитан любит?

— Кажется, слышал, что он сладкоежка... Особенно пончики, такие, чтоб с одного укуса в горле першило от сладости.

Собрав информацию, Чжун Нянь спрятал блокнот и ручку, попрощался с Цзэвэнем и нашел Чжань Лу.

— Чего тебе? Я занят, продукты готовлю. Не мешай. — Чжань Лу в маске ловко разделывал рыбу на доске, снова став похожим на неприступного повара, каким показался вначале.

Чжун Нянь сложил руки перед собой и, не сводя с него своих влажных глаз, словно возносил молитву божеству:

— Великий повар, лучший в мире, ты ведь сможешь сделать для меня вкусные пончики, правда?

...

Час спустя Чжун Нянь с большой коробкой пончиков улизнул со второй палубы.

По пути он расспросил нескольких членов экипажа и без труда нашел ходовую рубку в носовой части судна.

Пончики вкусно пахли, были золотистыми от жарки, одни посыпаны сахарной пудрой, другие политы шоколадом. Аромат просачивался из коробки, и по дороге Чжун Нянь не удержался и стащил два.

Он разложил оставшиеся так, чтобы пустых мест не было видно, и, убедившись в порядке, подошел к посту охраны.

— Я принес пончики капитану. Шеф-повар велел передать лично в руки и еще кое-что сказать на словах. — Он с невозмутимым видом изложил придуманную легенду, показал удостоверение сотрудника и прошел через проверку.

Едва войдя, он был ослеплен золотисто-оранжевым светом.

Панорамные окна рубки были огромными и широкими, открывая захватывающий вид на море.

Был как раз час заката: круглое солнце опускалось к линии горизонта, заливая море расплавленным золотом. Это было зрелище, достойное названия "плавающее золото на гребнях волн" (Прим.: поэтическая метафора заката на воде).

Чжун Нянь потер глаза и, улыбнувшись вопросительным взглядам нескольких матросов, сказал:

— Здравствуйте. Я к капитану.

Люди слегка покраснели и указали ему направление.

Из-за угла обзора, обойдя ряд пультов управления, Чжун Нянь наконец увидел человека, сидящего в кресле.

Мужчина закинул длинные ноги на приборную панель, откинулся назад так, что передние ножки стула оторвались от пола, а лицо было прикрыто фуражкой. Казалось, он спит.

Впрочем, форма на нем была строгой и элегантной, вполне в капитанском духе.

Наверное, только капитан мог позволить себе так нагло бездельничать и дремать.

Чжун Нянь остановился перед ним, держа в одной руке пончики, а другую заложив за спину, и тихо поздоровался:

— Здравствуйте, господин капитан.

Боясь, что капитан не проснулся, он нарочно поднес коробку с пончиками поближе, помахивая ею, чтобы аромат дошел.

— Я принес вам ваши любимые пончики.

Действительно, после этих слов мужчина пошевелился, снял с лица фуражку и поднял взгляд.

Чжун Нянь, стоя, встретился с ним глазами.

Неожиданно капитан оказался гораздо моложе, чем он себе представлял.

Он думал, это будет толстый дядька.

А это оказался не только не толстый дядька, но и видный мужчина, статный и красивый.

Видимо, в нем была доля западной крови: точеные черты лица, светлые волосы, собранные в небольшой хвост на затылке. Он больше походил на аристократа, получившего хорошее воспитание, чем на капитана.

Чжун Нянь облизнул алые губы, открыл коробку, демонстрируя аппетитный подарок:

— Господин капитан, пончики.

Светлые глаза мужчины скользнули по лицу юноши, полному притворного послушания и усердия, и в них мелькнула искра интереса:

— И правда для капитана?

Чжун Нянь под этим взглядом почувствовал, как по спине пробежал холодок, и запнулся:

— К-конечно.

— А-а... — Голос мужчины обладал особенно богатым, "роскошным" тембром. Он медленно поднял руку и постучал пальцем по уголку губ. — Тогда почему же ты уже стащил один?

Чжун Нянь вздрогнул, кончик его языка невольно скользнул по губам, и он действительно ощутил сладость сахарной пудры.

— Это... это не то. Наверное, когда я пробовал, испачкался. Я не воровал, — сказал он.

Мужчина неопределенно улыбнулся:

— Ладно, давай.

Чжун Нянь передал ему коробку, но не ушел.

— Господин капитан, у вас, наверное, тяжелая работа? Плавание проходит так гладко только благодаря вам.

Мужчина лишь слегка улыбнулся в ответ на его лесть.

— Погода в этом году отличная, солнечно и безветренно. Даже мобильная связь у сотрудников не ловит. Интересно, что будет в следующие дни...

Мужчина нажал пару кнопок на панели и показал Чжун Няню прогноз на будущее:

— Не волнуйся, будет такая же солнечная погода.

Видя, что с ним нетрудно говорить, Чжун Нянь внутренне обрадовался и продолжил:

— Сказать по правде, у меня мания катастроф. Всегда боюсь, что случится что-то непредвиденное. Понимаете? Первый раз на корабле, как некоторые в самолете — всякое в голову лезет. Вдруг на риф налетим? Или течь, пожар, взрыв... Интересно, достаточно ли на борту спасательных средств и мер...

Мужчина с улыбкой, не сходящей с глаз, ответил:

— М-м, понимаю.

Чжун Нянь подался вперед, излучая искреннее доверие:

— Но господин капитан, я уверен, что под вашим началом никаких скрытых угроз не существует, верно?

— Конечно.

— Вы так надежны. Вы определенно самый красивый из всех, кого я...

Похвала замерла у Чжун Няня на устах, прерванная внезапным голосом.

— Чарльз! У тебя пончики, а ты со мной не делишься, ешь в одиночку!

Чжун Нянь обернулся и увидел приближающегося мужчину средних лет с заметным животом. Его взгляд сразу упал на погоны темной униформы с золотым шитьем.

Четыре нашивки с ромбом, сверкающие золотом.

Тут лениво развалившийся в капитанском кресле молодой человек поднялся и с улыбкой сказал:

— Это не я ворую пончики. Вы, уважаемый капитан Холл, ошиблись в своих обвинениях.

<http://bllate.org/book/17225/1611976>